

В мире приключений. Детектив

Владимир Голубев

Окаянное лето

RUGRAM

Москва
2022

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Г62

Голубев, Владимир

Г62 Окаянное лето: роман / Владимир Голубев. — Москва: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 318 с. (В мире приключений. Детектив).

ISBN 978-5-521-90557-7

Новый детектив в недавнего прошлого следователя по особо важным делам Владимира Голубева: Алёнке пятнадцать лет, она прилетела на каникулы к отцу, на Крайний Север. Но в это лето ей не до отдыха и не до арктических диких вещей... В воинской части от пули неизвестных преступников погибает солдат. А вскоре и отец Алёнки, отправившийся на поиски дезертира в необъятную тундру, несколько дней не выходит на связь. Поиски капитана ни к чему не приводят, а следствие подозрительно молчит и топчется на месте. Сколько потребуется времени и новых жертв, чтобы вновь тайное стало явным? Устав ожидать хоть какой-то информации, Алёнка принимает решение начать собственное расследование и поиски родного человека. Вскоре она находит первую зацепку, которая всё же позволит правоохранительным органам наконец-то начать распутывать полувековой клубок тайн, конечно с помощью Алёнки и её верных друзей...

Составитель: *В.В. Балашова*

BIC FA
BISAC FIC00000

ISBN 978-5-521-90557-7

© Владимир Голубев, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава 1

Вслед за перелётными птицами

В мыслях своих вы привыкли к тому, что название Территории, даже само решение по-пасть туда, служит гарантией приключений. Это страна мужчин, бородатых «по делу», а не велением моды, страна унтов, меховых костюмов, пург, собачьих упряжек, морозов, бешеных заработков, героизма — олицетворение жизни, которой вы, вполне вероятно, хотели бы жить, если бы не заела проклятая обыденка. Во всяком случае, вы мечтали об этом в юности.

Территория. Олег Куваев

Широкая трасса с множеством закрученных развязок, разделительными полосами, «зебрами», неожиданно-негаданно оборвалась, расколовшись на десятки рукавов. Автобус скрипнул тормозами, запыхтел и уткнулся в шлагбаум. Алёнка оторвала голову от экрана смартфона, русая косичка качнулась в такт движению авто, она ахнула — перед глазами во весь горизонт растянулся выброшенный на свинцово-антрацитовую гальку синий кит — аэропорт, подставляя июньскому солнцу блестящий бок.

— Конечная остановка, прошу освободить салон, — объявил водитель под лязганье дверей.

Пятнадцатилетняя девчонка, спотыкаясь, сошла со ступеней и смиренно устремилась прямо во чрево рукотворного хрустального муравейника, который встретил её на входе неспешной очередью у стойки контроля. Среди стекла и бетона, пластика и огней, орды людей безрассудно торопились покинуть надёжный, но набивший оскомину твёрдый мир и, привычно сигануть на несколько часов в лазуритовые небеса, где в пути, кусая губы, перебегать по шатким мосточкам от кресла

до туалета. Зато позже, с разбега, ступить на новые, неведомые берега, щурясь от солнца и подставляя всего себя свежему морскому бризу.

Вместе с толпой Алёна одолела досмотр и, приметив в центре гигантского зала стойку нужной авиакомпании, постояв пару минут, отошла к окну. До вылета оставалось ещё долгих три часа. Несколько минут она не решалась дотронуться до экрана телефона, но всё же набрала номер. Тем временем в тысячах километров от неё, на самой бровке вечно холодного океана, по-осеннему закручивал волну ясный вечер, привычный для жителей Заполярья, которым не удалось вырваться на «большую землю». Вот на том краю волшебной линии, сотворённой высоколобыми умниками, послышались гудки, и следом прозвучал знакомый голос, и сказал:

— Алло! Алёна, привет!

— Папа, салют!

— Ты уже в аэропорту? Зарегистрировалась на рейс?

— Да, я приехала, но ещё не прошла регистрацию.

— А почему? Поищи электронное табло, там есть номера рейсов и номера стойки регистрации на твой самолёт. Поторопись, а то в самолёте тебе достанутся плохие места. Будешь все шесть часов ютиться около туалета.

— Папа, подожди.

— Что такое, Алёна?

— Может, это...

— Что «это»? Что-то случилось? Ты боишься лететь?

— Может, того, сдадим билет? Потом, пойми — мама может родить в любой момент, а меня рядом нет. Я переживаю, и она будет волноваться, я-то знаю.

— Дочка, мы договаривались, что как только Людмила соберётся в роддом, ты вернёшься, а потом, если мне не изменяет память, Михаил Владимирович имеет бо-ольшущий опыт в этой области, и наверняка давно набил руку на подобных встречах младенцев.

— Папа, прошу тебя, не надо, не начинай.

— Алёна, мы ждём тебя всей частью. Я вылизал квартиру к твоему приезду. Потом, через два дня прилетает Женька, ты забыла?

— Да, с таким аргументом придётся согласиться — сдаюсь и топаю на регистрацию.

— Послушай, Алёна, я буду на дежурстве в части, а тебя встретит мой сослуживец — капитан Сабуров, и доставит домой. А там я скоро вырвусь к тебе. У Андрея Андреевича в руках будет лист бумаги с твоим именем.

— Надеюсь, не плакат?

— Перестань, я и так волнуюсь, даже, наверно, глаз не сомкну сегодняшней ночью.

— Спи спокойно, защитник Отечества, стану вылетать — пошлю тебе эсэмэску.

— Жду.

Девочка отключилась и, прихватив чемодан, с поникшей головой, направилась к стойке регистрации на рейс. Вскоре багаж пополз по чёрной ленте транспортёра во чрево то ли колоссального кита, то ли громадного муравейника. А Алёна устремилась на посадку, по пути рассматривая яркие витрины, рекламу, и разноцветную, полураздетую, спешащую толпу.

Девочка время от времени останавливалась как вкопанная, вздыхала и пожимала плечами, не обращая внимания на суету. Далеко, где-то за лесами и полями, укрывшись реками и оврагами от назойливых трасс, спрятался родной посёлок на краю Подмосковья. Там с рождения знаком каждый дом, там дедушка с бабушкой, мама и отчим, друзья и одноклассники... А тебе надо лететь сломя голову, чуть ли не на окраину мира, а уж континента так точно, и не в южную сторону, где греет жгучее солнце, а в безлюдную Арктику.

Звонок телефона вернул девчонку обратно на землю, и вот под ногами уже блестящий керамогранит. В трубке голос бабушки:

— Алёна, ты добралась до аэропорта?

— Да, всё хорошо, не переживай.

— Мы с дедом только о тебе и говорим. Да тут ещё по новостям сказали, там, в посёлке у твоего отца погиб какой-то солдат, а другой удрал в тундру. Ты будь там, пожалуйста, поосторожней, не ввязывайся никуда, уж мы знаем — ты можешь. Обещаешь?

— Да ты что, бабушка, в этот раз ни-ни. Потом, я повзрослела, на целый год.

— Прилетишь, пришли нам эсэмэс. Маме не звони, а то переговоры, наверно, дорого стоят. Потом поболтаем по Скайпу. Не знаешь, есть у твоего папашки интернет или нет?

— Прилечу и всё узнаю. Лучше расскажи, как ты себя чувствуешь?

— Как всегда — самостоятельно передвигаюсь по дому, правда, ещё придерживаюсь за стены, но коляской почти не пользуюсь.

— Молодчина! Папа обещал разыскать у охотников медвежью желчь, вот она тебя точно поставит на ноги!

— Не надо мне ничего, главное - чтобы ты поскорее вернулась. Как-то мне на душе не по себе от этой поездки. Тебя звали в Лондон, на языковые курсы, а ты сломя голову куда понеслась? Да туда и Макар телят не гонял пасти! Ну да ладно, не стану пророчить в дорогу. До встречи.

Далёкий голос стих, но вскоре примолвил:

— Не забудь передать Игорю привет от нас с дедушкой. До скорой встречи.

— Обязательно. А ты позвони маме и скажи, что у меня всё окей. Пока, бабушка.

В накопителе девочка старалась совсем не думать о своём первом полёте на железной птице, и о каком-то далёком происшествии с солдатами, а страницу за страницей глотала приключения, читая «Два капитана». На шуршащих страницах неизвестный Иван Львович оказался жив и здоров, а штурман дальнего плавания Климов поведал историю о бедственном

путешествии на Землю Франца-Иосифа по плавучим льдам, и о судьбе шхуны «Святая Мария».

Очутившись в кресле лайнера, она наскоро, влажными руками застегнула ремень, не отводя глаз от спинки переднего сиденья, и закрыла глаза, стараясь заснуть. Кругом толчея и разговоры, запахи копчёной колбасы и духов. Попробуй со страха уснуть, да ещё тебя то толкают, то просят пропустить к креслу. Но, смирившись и сказав себе после молитвы — «Будь что будет», она до боли сжала подлокотники.

При разбеге и взлёте лайнера, девчонка, прикрыв глаза, боролась с приступами подступающей тошноты. И только когда самолёт уже перестало трясти, и он надёжно повис в небе на невидимых помочах, цепляясь крылами за пушистые облака, она впервые решилась кинуть взор по сторонам, но так и не осмелилась заглянуть в глазницу иллюминатора. В эти минуты Алёне опять позарез приспичило домой, в родную стожку, к дедушке и бабушке, к старой ёлке и сорокам, к ёжику с влажным носом... Но вместо милого шелеста листвы и уханья филина — рёв турбин за окном, белые перины облаков и соседи, занятые то обедом, то ужином.

Миновала только пара часов кошмарного нахождения между бытием и кончиной, веявшей в затылок, казавшиеся пожизненным заключением. Алёна не могла уснуть, даже просто задремать. Оказалось, страшно просто закрыть веки — сразу рисовались ужасные баталии. Неожиданно белёсая завеса под самолётом растворилась и далеко внизу, прямо в бездне, заблестели на солнце бессчётные озера, напоминающие глаза неведомых чудовищ, спрятавшихся в ледяных глубинах земли, на самом краю континента. Рядом засветились артериями с голубой кровью, и ползущими на брюхе змеями через топи и лайды, несчётные реки и ручьи...

Всего-то один разок за всю тягучую небесную дорогу Алёна прикрыла глаза, и даже как будто задремала под ровный шум турбин. Привиделась во сне иль в грёзах безвестная речушка, с обрывистыми берегами в пучках камыша. А вдали

на горизонте темнели горы, а прямо у подножья, на песке, среди диковинных пальм в довольстве ленивый почивал городок, залитый по самые козырьки крыш розовыми лучами умирающего солнца.

— Уважаемые пассажиры, пристегните ремни, наш самолёт начинает снижение перед посадкой. В аэропорту прибытия двенадцать градусов тепла.

Пассажиры загалдели. Слова стюардессы привели Алёнку в себя, и она готова была от радости, что полёт наконец-то заканчивается, заголосить на весь салон. Ждать безмятежности земной тверди оставалось недолго. Под звон в ушах девочка опять открыла книгу. Самолёт затаил дыхание и, онемев, принялся крениться, заваливаясь на левое крыло, слегка поскрипывая в подбрюшье. Скоро под ногами задрожал пол, но её утихомирило только безучастное отношение соседей к своей судьбе...

После приземления небесной птицы, наконец-то распечатали дверь, и девочка пулей выскочила под низкое серое небо за глотком зябкого воздуха, и через минуту, продрогнув после душного салона, — бегом в синее двухэтажное здание. Краем глаза она заметила полдюжины ярких, как апельсины, вертолётов с опущенными почти до земли лопастями, а ещё серые винтокрылые самолётики, и недалеко, в нескольких сотнях метров — свинцовое море, безысходно плещущееся в пологий берег.

В здании рядом с выдачей багажа Алёна дождалась появления чемодана и подобно ледоколу двинулась к толпе встречающих, высматривая ожидавшего её приятеля папы. Но, пройдя сквозь строй из мужчин с обветренными лицами и редких женщин, она оказалась одна около выхода из здания. Как оказалось — её просто не встретили.

Замешкавшись, Алёна ещё раз оглянулась, в надежде заметить папиного друга. Напрасно. «Вот я, блин, попала. Ведь не зря лететь не хотела. Теперь придётся самой заново разы-

скивать отца», — подумала девочка. Она полезла в карман за телефоном, и стала высматривать рекламу такси, но стойки не оказалось. Тогда Алёна двинулась к выходу. Навстречу распахнулись двери, и на пороге аэропорта возник стройный смуглый мужчина, в полевой форме с зелёными звёздочками на погонах, прижимающий к груди мятый лист в файле с надписью маркёром «Алёна».

— Я, я здесь, — крикнула девочка. Военный повернулся к ней. — Наконец-то, здравствуйте.

— Здравствуйте. Вы и есть дочь капитана Жукова? — улыбаясь тонкими черными усами, поинтересовался незнакомец.

— Да, то есть, как у вас говорят, — так точно.

— Не надо солдафонства. Имею честь представиться — капитан Андрей Андреевич Сабуров, к вашим услугам, мадмуазель.

— Ого-го, «мадмуазель»! А аэроплан случайно не закинул меня с попутным ветром в Париж или всё же я очутилась в Арктике?

— Что там, какой-то Париж на мелководной Сене, сударыня! Увидите, мы здесь тоже не лыком шиты. Мы находимся в посёлке около одной из величайших рек нашего континента, она легко вместит сотню или даже тысячу галльских потоков! Впрочем, нам сейчас не до Франции, лучше скажите — как долетели?

— Хорошо, но всё же немного страшновато.

— Это нормально, призывник Жукова, не страшатся летать только трухлявый пень и пегий олень. Давайте немедленно свои вещи, нас ждёт машина, надо торопиться. Заодно, расскажите, ё-мое, как мой друг умудрился в отпуске заработать орден Мужества, у нас, знаете ли, чаще из отпуска привозят неприличные болезни, а не государственные награды.

— Пусть он вам сам всё поведает, и, кстати, моя фамилия Белкина.

— Да, капитан Жуков какой-то странный, что-то хочет рассказать, да всё никак руки не доходят.

Они вышли из здания. На стоянке среди машин встречающих стоял зелёный «козлик» с солдатом за рулём.

— Нам сюда, конечно, не «мерседес», а только УАЗ, но насколько позволяет военный бюджет. И потом, для нашего климата — то, что надо, у нас тут вечная распутица. В этом году снег до конца сошёл всего лишь за несколько дней до твоего прилёта. Ещё на той неделе можно было кататься на лыжах! И это в июне! Но радоваться теплу рано — на северных склонах снег будет таять ещё с месяц, а то, глядишь, продержится до следующей зимы, такое здесь не редкость.

— Вы знаете, мне страшно в вашей непонятной Арктике, и хочется прямо сию минуту улететь обратно.

— Стерпится-слюбится.

— Спасибо, порадовали.

Машина покинула стоянку и поехала, объезжая колдобины и неровности, мимо пёстрого края едва виднеющегося моря, каких-то заброшенных домов-пятиэтажек без оконных рам и с выбитыми дверями. Виднелись остовы машин, бывших некогда грозными грузовиками. На покосившихся столбах мохлялись пучки ржавых проводов и безглазые фонари. Повернувшись к гостю, встречающий между делом поведал:

— Нам тут на голову свалилось небольшое ЧП, поэтому все офицеры в части на усилении. Про происшествие даже по центральным каналам показали. Вот докатились, прогремели на всю страну. А меня отпустили лишь потому, что я всю ночь торчал без сна в карауле.

— А что случилось, Андрей Андреевич?

Он показал глазами на водителя и развёл руками, мол, нельзя болтать лишнее, и только добавил:

— Отец дома всё расскажет. А давайте лучше про наш ненаглядный посёлок, тем более, мы скоро уже приедем.

— Конечно, деваться мне некуда, так что послушаю.